

Минаев А. П.

A. P. Minaev

старший преподаватель кафедры восточных языков
Дипломатической академии Министерства иностранных дел России
e-mail: minaev53@inbox.ru

Агафонова Я. В.

Ya. V. Agafonova

студентка первого курса магистратуры факультета «Международные
отношения и международное право» Дипломатической академии
Министерства иностранных дел России
e-mail: agafonova.iana2017@yandex.ru

ПОЛИТИКА «УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ» РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

POLICY OF "CARBON NEUTRALITY" OF THE REPUBLIC OF KOREA

Аннотация. В статье рассматривается политика «углеродной нейтральности» Республики Корея. Связанные с этим планы президента Мун Чжэ Ина, срок полномочий которого заканчивается в мае 2022 г., прошли определенную эволюцию. Особое внимание уделено задачам и целям последней версии этих планов, консолидированных под общим названием «зеленый курс». Анализируются успехи и препятствия в деле достижения декарбонизации Кореи, рассматриваются различные оценки подхода правительства Южной Кореи к сокращению эмиссии парниковых газов и перспективы продолжения «зеленого курса» после предстоящих 9 марта 2022 г. президентских выборов.

Ключевые слова: «Углеродная нейтральность», «Новый курс корейского образца», «Новый зеленый курс», сокращение парниковых газов, Республика Корея (Южная Корея), правительство Мун Чжэ Ина

Abstract. The article highlights the implementation of the "carbon neutrality" policy in the Republic of Korea. Moreover, it points out the evolution of the government of Moon Jae-in's established plans and their doctrinal provisions. Especially, the article covers goals and purposes of the new "Green Deal" policy. In addition, there is the analysis of successes and obstacles in achieving the decarbonization of Korea. Various attitudes are being considered towards the Korean government's approach on reducing of greenhouse gas emissions.

Key words: "Carbon neutrality", "Korean New Deal", "Green New Deal", greenhouse gas emissions, Republic of Korea (South Korea), Moon Jae-in's government

На протяжении первой четверти XXI в. одной из центральных тем мировой повестки неизменно оставался т.н. «энерготransition», который в последнее время все чаще стал характеризоваться не иначе как «глобальная революция». Актуальность современных экологических проблем, затрагивающих практически все без исключения страны, подтверждена подписанием Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата (принят 11 декабря 1997 г. и вступил в силу 16 февраля 2005 г.), Парижского соглашения (принято 15 декабря 2015 г. и вступило в силу 4 ноября 2016 г.), а также принятием Климатического пакта в Глазго в рамках 26-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP26) 12 ноября 2021 г. В указанных документах поставлена задача удержать прирост глобальной температуры ниже 2 °C по сравнению с доиндустриальным уровнем. Все страны призываются к построению климатически нейтрального мира к середине XXI в. и в этих целях к созданию и реализации долгосрочных стратегий развития с низким (в идеале — с нулевым) уровнем выбросов парниковых газов.

Отвечая на этот призыв, многие страны мира предпринимают практические шаги для достижения «углеродной нейтральности» [1]. Тренд на декарбонизацию и построение «зеленой экономики» принял глобальный характер. К концу 2021 г. более 80% мировой экономики уже было охвачено обязательством по достижению нулевого нетто — показателя выбросов углерода [3].

В частности, Европейский союз и ряд других развитых стран взяли на себя обязательства сократить выбросы углерода более чем на 50% к 2030 г., что позволит им достичь цели нулевого нетто-показателя выброса к 2050 г. [2]. Среди таких государств — Республика Корея (Южная Корея), которая в 2020 г. поставила перед собой задачу по достижению «углеродной нейтральности» к 2050 г.

Инициатором кампании по реализации амбициозных целей построения «зеленой экономики» выступила администрация Президента Южной Кореи Мун Чжэ Ина. С ее подачи в поли-

тических и академических кругах РК была развернута широкая кампания по созданию научно обоснованной стратегии низкоуглеродного развития.

В этом контексте широкое внимание общественности привлекло выступление известного южнокорейского эколога, одного из руководителей Государственной метеорологической академии РК профессора Чо Чхонхо, заявившего, что изменение климата — это процесс, который не может контролироваться политиками. Тем не менее экономика и общество претерпевают быстрые изменения и наблюдаемый в настоящее время экологический кризис, вызванный антропогенным воздействием, проявляется все более отчетливо и развивается с большой скоростью [6]. Дальнейшее ухудшение климатической ситуации может привести к деструктивным явлениям: увеличению природных катаклизмов, социальной нестабильности, политическим конфликтам, пограничным спорам, миграции и даже к этническим чисткам [6]. Профессор Чо утверждает, что из-за экологического кризиса человечество столкнется с угрозами, которые невозможно контролировать.

Южная Корея активно включилась в деятельность Межправительственной группы экспертов ООН по изменению климата (МГЭИК). Если в 2013 г. в докладе МГЭИК утверждалось, что глобальное повышение средней глобальной температуры должно быть ограничено 2°C, то на заседании МГЭИК, проходившем в Инчхоне (Южная Корея) в 2018 г., было заявлено, что повышение температуры Земли даже до 1,5 °C представляет серьезную опасность. По данным экспертов организации, в результате антропогенного воздействия каждое десятилетие температура атмосферы Земли повышается на 0,2 °C и уже в период 2030—2052 гг. она составит 1,5 °C. В докладе за 2021 г. прогнозируется, что глобальное повышение температуры превысит 1,5°C в период с 2021-го по 2040 г. [7, с. 14].

В результате многолетней целенаправленной экспертной проработки вопроса в декабре 2020 г. правительство Республики Корея опубликовало долгосрочную стратегию развития по построению общества «с нулевыми выбросами». Согласно

положениям документа, основными причинами перехода Южной Кореи к «зеленой» политике служат [7, с. 20—22]:

1. Крайне неблагоприятные прогнозы результатов глобального потепления в проекции к Корейскому полуострову. Ожидается увеличение температуры и осадков на 1,8 °C и 5,5%, соответственно. Это приведет к расширению зоны субтропического климата в стране. Показатели экстремальной жары, по прогнозам, будут расти, в то время как количество дней с низкой температурой будет снижаться.
2. Необходимость следовать целям и задачам, определенным в договорах международного уровня таких, как Киотский протокол и Парижское соглашение.
3. Стремление оставаться в авангарде мировой экономики с учетом развернутого развитыми странами движения по достижению «углеродной нейтральности». В частности, учет их планов отказаться в перспективе от ископаемого топлива и использовать в основном возобновляемые источники энергии (ВИЭ). Возрастающая востребованность на мировом рынке «эко-чистой» продукции и финансовых инвестиций в сфере декарбонизации.
4. Возможность серьезных экономических потерь в случае сбоя в политике по контролю над рисками в экологической сфере.
5. Ощутимый сопутствующий бонус в виде улучшения качества воздуха и сокращения содержания в нем микроскопической пыли.

В указанной стратегии, озаглавленной «Углеродная нейтральность 2050», указываются 5 основных направлений по достижению декарбонизации в стране [7, с. 7]:

1. Расширение использования экологически чистой электроэнергии и водорода;
2. Развитие инновационных технологий в целях повышения энергоэффективности;
3. Внедрение технологий утилизации углерода;

4. Повышение степени устойчивости промышленного развития за счет использования экономики замкнутого цикла;
5. Нарращивание потенциала по поглощению CO₂.

Стратегией предусматривается повышение роли РК в общемировой экологической повестке. Весьма самоуверенными выглядят заявленные в стратегии амбиции Сеула взять на себя лидирующую роль по сплочению усилий мирового сообщества в целях осуществления глобального энергоперехода. Провозглашается цель достичь полной декарбонизации страны к 2050 г. путем взаимодействия с другими государствами и осуществления крупномасштабных инвестиций в сфере инновационных климатических технологий.

В 2021 г. президент Республики Корея Мун Чжэ Ин провозгласил политику под названием «Новый курс корейского образца» (слова «Новый курс» (New Deal) буквально повторяют название концепции президента Франклина Рузвельта по выводу США из «Великой депрессии» 30-х гг. XX в.). Ее основной целью провозглашается преодоление экономического кризиса, вызванного эпидемией коронавируса (COVID-19). По сути, эта очередная концепция сеульских властей представляет собой модернизированный вариант выдвинутой Мун Чжэ Ином годом ранее инициативы «Корейский курс» и ее двух столпов — «Нового зеленого курса» и «Нового цифрового курса».

Предложенная президентом Мун Чжэ Ином еще в июле 2020 г. инициатива «Корейский курс», выглядела следующим образом «2+1» [8, с. 5]:

- «Новый цифровой курс», нацеленный на цифровизацию экономики и ускорение темпов ее развития;
- «Новый зеленый курс», предусматривающий переход к экологически-чистой экономике и «укрепление системы социальной защиты»;
- А также третье направление — «укрепление системы социальной защиты», направленное на поддержку наиболее уязвимых слоев общества.

Скорректированная же спустя год инициатива теперь стала выглядеть как «3 + 1» [8, с. 10]:

1. «Новый цифровой курс» (디지털 뉴딜).
2. «Новый зеленый курс» (그린 뉴딜).
3. «Новый социальный курс» (휴먼 뉴딜). Предполагает улучшение системы найма и социальной защиты, а также увеличение инвестиций в человеческий капитал. Социальная составляющая «Нового курса корейского образца» была усилена с учетом необходимости оказания помощи молодому населению, ликвидации неравенства и социальной дифференциации, обострившихся в условиях эпидемии коронавируса (COVID-19).

К этим направлениям был также добавлен некий «Новый курс регионального баланса» (지역균형 뉴딜).

В первые две составляющие «Нового курса корейского образца» был внесен ряд уточнений [8, с. 13].

1. Задачи «цифрового курса».
  - a. Укрепление экосистемы сети передачи данных и искусственного интеллекта;
  - b. Развитие бесконтактной (онлайн) инфраструктуры;
  - c. Внедрение новой гиперподключенной отрасли в киберпространстве;
  - d. Цифровизация центра мониторинга безопасности.
2. Задачи «зеленого курса».
  - a. Создание базы для продвижения «углеродной нейтральности»;
  - b. Переход на «зеленую» инфраструктуру в местах проживания граждан и в городах;
  - c. Распространение энергии рассеивающего типа и с низким содержанием углерода;
  - d. Построение инновационной экосистемы «зеленой» промышленности.
3. Задачи «социального курса».
  - a. Инвестиции в человеческий капитал;
  - b. Система найма и социальной защиты;
  - c. Молодежная политика;
  - d. Ликвидация социальной дифференциации.

Таким образом в «Новом курсе корейского образца» расширена сфера, требующая внимания для восстановления от последствий COVID-19. В области декарбонизации план действий предполагает глубокие системные изменения в экономике страны.

В рамках «Нового зеленого курса» в более конкретном плане были сформулированы основные задачи по «углеродной нейтральности» [8, с. 30–35]:

I. Формирование базы для реализации политики «углеродная нейтральность».

1. Создание базы для достижения сокращения выбросов парниковых газов, включая системные компоненты и подготовку профессиональных кадров:

1) Инфраструктура сокращения выбросов: оснащение соответствующими системами управления, такими как система измерения и оценки выбросов парниковых газов, система торговли эмиссионными квотами. Поддержка осуществления «национальной цели сокращения парниковых газов 2030» (2030 국가온실가스 감축목표 (Nationally Determined Contribution));

a. Международное сотрудничество. Участие в установлении связанного с углеродной нейтральностью международного порядка, такого как система корректировки углеродных границ. Разработка метода расчета углеродного воздействия, соответствующего международным требованиям.

b. Активное участие в международных дискуссиях, в целях построения международного порядка по справедливым правилам.

2. Активация экономики замкнутого цикла и количественное увеличение систем поглощения углерода:

1) Промышленный комплекс переработки ресурсов. Формирование безотходного промышленного комплекса, создание системы вторичной переработки отходов (карта промышленного симбиоза) на цифровой основе;

2) Экономика замкнутого цикла;

3) Управление системами поглощения углерода. Создание системы управления большими объемами данных лесных ресурсов, системы измерения и оценки функций поглотителей в целях осуществления эффективного контроля над поглотителями углерода.

3. Повышение национальной осведомленности об «углеродной нейтральности» и поддержка адаптации населения к изменению климата.

II. Зеленый переход городской, пространственной и жилой инфраструктуры:

1. Нулевое потребление энергии в сооружениях общественного пользования, тесно связанных с жизнью людей.

1) Создание «зеленых умных» школ для скорейшей декарбонизации, в целях поэтапного увеличения классов «с нулевым потреблением энергии», увеличение объектов для «зеленого» перехода (старые школы, которым более 40 лет – расширить путем пристройки новых зданий) по договоренности с местными и городскими образовательными органами;

2) «Зеленое» переоснащение. Стимулирование и усиление помощи для создания стимулов по привлечению владельцев частных сооружений к участию в «зеленом» переоснащении.

2. Восстановление зеленых экосистем наземного, морского и городского типа.

1) Создание на городской территории связанной системы «зеленых зон» для поглощения «грязных» выбросов;

2) Реорганизация системы управления выбросов парниковых газов, ориентированной на сельские районы, активное стимулирование добровольного сокращения выбросов углерода путем выявления и поддержки мер по сокращению выбросов (создание системы энергоэффективности для стареющих сельскохозяйственных и промышленных комплексов);

3) Прибрежные районы. Оказание поддержки в сокращении выбросов углерода и восстановление функций

экосистем прибрежных районов за счет расширения морских охраняемых зон и усиления систем контроля за морскими опасными веществами (разработка новых методов отслеживания морских загрязнителей и совершенствования технологий сбора и обработки плавающего морского мусора).

3. Создание системы управления чистой и безопасной водой.

III. Внедрение безуглеродной энергии рассеивающего типа:

1. Создание «умной» (интеллектуальной) сети в целях эффективного управления энергопотреблением;

2. Создание базы распределения энергии, вырабатываемой возобновляемыми источниками.

1) НИОКР. Разработка технологий по производству энергии с использованием органических отходов, хранению и выработки зеленого водорода с использованием различных источников энергии, таких как морская энергия (энергия волн, энергия морского ветра, электролиз воды с использованием возобновляемых источников энергии) и другие.

3. Расширение «зеленой» мобильности, электромобили и автомобили, работающие на водороде.

1) Экологически чистые суда. С целью уменьшения выбросов парниковых газов на судах преобразовать суда, находящиеся в собственности государства, в экологически чистые, разработать энергосберегающие судовые технологии.

IV. Создание инновационной экосистемы зеленой промышленности:

1. Развитие перспективных «зеленых» компаний-лидеров и создание низкоуглеродных, «зеленых» промышленных комплексов;

2. Создание инновационной «зеленой» базы, включая финансирование и НИОКР:

1) Технология сокращения выбросов углерода. Разработка специальной технологии сокращения выбросов углерода для каждого типа промышленности, включая сталелитейную, цементную, нефтехимическую и нефтеперерабатывающую;

2) Оказание полномасштабной поддержки по разработке CCUS (технологии по абсорбированию парниковых газов, технологии улавливания, утилизации и хранения CO₂ (CCUS: Carbon Capture Utilization and Storage));

3) Расширение разработки технологий высококачественной переработки отходов, включая аккумуляторы, электроды, пластик и т.д.;

4) Расширение «зеленого» финансирования. Бюджетное ассигнование начинающих «зеленых» отраслей, таких как бизнес водородной инфраструктуры и возобновляемых источников энергии.

Анализ «Нового курса корейского образца» показывает, что его реализация стала гораздо более дорогостоящей по сравнению с предыдущими экологическими инициативами Сеула. При этом основные траты связаны именно с «зеленым курсом». Если в первом варианте «Курса корейского образца» «углеродная нейтральность» республики оценивалась в 42,7 трлн вон, то после внесения корректировок в июле 2021 г. затраты на нее оцениваются уже в 61 трлн вон [8, с. 10].

Общая же стоимость курса на «энергопереход» Республики Корея увеличилась в общих итоговых показателях с 160 трлн вон до 220 трлн вон. Государственные расходы соответственно увеличились с 114,1 трлн вон до 160 трлн вон [8, с. 10].

Тем не менее, следует признать, что спустя год в ходе реализации «Нового курса корейского образца» наметились некоторые успехи. Южная Корея вошла в ряды государств-лидеров перехода к цифровизированному и «эко-чистому» обществу. Идет активное построение безуглеродной, экологически чистой промышленной экосистемы, внедрено удаленное, онлайн образование за счет продвижения системных улучшений и финансирования [9]. Среди других успехов проведения нового зеленого курса называются следующие его результаты [9]:

1. Произведено 17700 электромобилей, 15000 автомобилей, работающих на водороде, 720 000 электрочargedных устройств, создано 96 водородных заправок станций;

2. Перевыполнен план по строительству объектов ВИЭ (Цель на 2020 г.: 4,2 ГВт. Реальный результат: 4,8 ГВт);
3. Повысился уровень использования ВИЭ в процентном соотношении с 10% до 25%, внесены поправки в законодательство по использованию ВИЭ (вступил в действие «Закон по водороду»), с мая 2021 г. действует Комитет по «углеродной нейтральности 2050»;
4. Началось создание в Синане комплекса (48 трлн вон), вырабатывающего энергию посредством ветровых энергоносителей (по прогнозам к 2030 г. этот комплекс станет самой большой в мире ветровой электростанцией (8,2 ГВт), а количество рабочих мест составит — 120 000). В Ульсане приступили к построению плавающей электростанции (36 трлн вон), работающей на офшорной ветровой энергии (согласно оценкам, к 2030 г. она будет вырабатывать до 6 ГВт электроэнергии). Начатое производство зеленого водорода, по оценкам, позволит создать 210 000 рабочих мест. В Сэмангыме планируется создание крупномасштабной плавучей солнечной электростанции;
5. В условиях пандемии Южная Корея стала принимающей стороной для проведения саммита по климатической повестке «P4G», где были выработаны основные цели участвующих сторон по осуществлению «углеродной нейтральности». Президент Мун Чжэ Ин принял участие в климатической конференции в Глазго в ноябре 2021 г. (COP26).

Указанные факты говорят об активной вовлеченности Южной Кореи в решение проблем экологического характера. Тем не менее, ряд корейских экспертов отмечает слабые стороны «Нового курса корейского образца». Среди проблем, с которыми связывается его реализация, называются такие как [4]:

1. Углеродоемкая промышленная экосистема РК;
2. Низкая производительность «чистой» энергии;
3. Препятствия в деятельности отечественной обрабатывающей промышленности из-за строгих экологических норм и стандартов;

4. Мировые тенденции к ужесточению регламента в сфере мировых торговых процессов.

Как известно, на климатическом саммите в Глазго, президент Мун Чжэ Ин пообещал достигнуть 40%-го сокращения эмиссий парниковых газов к 2030 г. [10]. Данное объявление вызвало тревогу в экономических и промышленных кругах РК, так как такая цель может серьезно навредить экономике страны. Специалисты указывают на тот факт, что для сокращения до уровня 40% по сравнению с показателями 2018 г. придется переустраивать и переоснащать «абсолютно все» [10]. Экономика Республики Корея во многом основывается на экспорте технологий, связанных с традиционными источниками энергии, а также на импорте углеродных энергоносителей. Поэтому переход на альтернативную энергию в экономическом отношении несет в себе большие издержки и риски. Южная Корея сильно зависит от импорта энергоносителей. Энергоемкие отрасли промышленности, такие как выплавка стали и нефтехимия, производство полупроводников являются основой промышленного роста и составляют значительную часть в показателях экспорта [7, с. 22].

Установленная Мун Чжэ Ином цель, будучи недостаточной для достижения к 2030 г. снижения общемировой температуры до 1,5 °С, является весьма проблематичной с учетом южнокорейских реалий.

Тем не менее, в целом в РК распространено положительное отношение к объявленной цели достижения полной декарбонизации к 2050 г. При этом, признавая необходимость ликвидации электроэнергии, вырабатываемой на основе угля, южнокорейцы не исключают применение природного газа. В частности, в планах правительства намечается газификация угольных станций, где это позволяют технические характеристики. Правительство уверено, что высокоразвитые информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), передовые промышленные технологии, производство электромобилей и создание системы хранения энергии в своей совокупности создают благоприятные условия для комбинированного использования «зеленых» инноваций

и технологий «индустрии 4.0». Расчет делается на то, что данная стратегия в конечном счете приведет к новому подъему низкоуглеродной промышленности, которая заменит традиционную энергоемкую, и обеспечит экономический рост страны.

В 2020 г. Южная Корея единственная из стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), смогла обратить вспять рецессивные тенденции, и занять почетное положение в топ-10 стран по росту ВВП [5]. Это при том, что в 2018 г. Республика Корея заняла 5-ое место в рейтинге ОЭСР по сокращению эмиссий. Эти факты говорят сами за себя. Руководство Южной Кореи не скрывает своего стремления занять лидирующее место среди развитых стран в решении экологических проблем и со временем примкнуть к разряду постиндустриальных государств.

С учетом предстоящих в марте 2022 г. президентских выборов в РК, следует признать, что завершающий свой пятилетний срок президентства Мун Чжэ Ин, предлагая «Новый курс корейского образца», установил чрезмерно высокую планку для своего преемника. В частности, представитель оппозиционной партии «Сила народа» Юн Сок Ёль оценивает планы действующего президента по сокращению эмиссий CO₂ и внедрению ВИЭ как «чрезмерные». Утверждает, что достичь полное энергообеспечение страны за счет альтернативной энергии невозможно. В его представлении необходимо внедрять комбинированный подход, предполагающий наряду с использованием ветровой, солнечной и других видов возобновляемой энергии сохранение и даже наращивание атомной электрогенерации [11].

Заявленная «зеленая стратегия» кандидата от правящего лагеря Ли Чжэ Мена во многом пересекается с планами нынешнего правительства. Предлагаемая им концепция «энергетические быстрые пути» («에너지 고속도로») предполагает реализацию трехкомпонентной схемы — снабжения, потребления и производства (возможность для всех жителей Кореи самостоятельно вырабатывать и покупать энергию на основе ВИЭ). Ли Джэ Мён также подтверждает свою приверженность планам по достижению 40%-го сокращения парниковых газов к 2030 г. [11].

Как показывают предвыборные дебаты между основными кандидатами на президентский пост, никто из них в принципе не ставит под сомнение необходимость построения «зеленой экономики», и в целом их позиции созвучны с идеей перехода к технологиям четвертой промышленной революции. Из этого можно сделать вывод, что перспектива дальнейшего проведения начатой Мун Чжэ Ином политики «углеродной нейтральности» в той или иной форме сохраняется.

Литература

1. Галимзянова, А.К. Климатическая дипломатия Китая и Германии/А.К. Галимзянова//Восточный альманах. М.: Квант Медиа. — 2021. — № 5. — С. 14–29.
2. Лидеры ЕС обязались к 2030 году на 55% сократить выбросы в атмосферу//Российская газета, 12 октября 2020 г. — URL: <https://rg.ru/2020/12/12/lidery-es-obiazalis-k-2030-goduna-55-sokratit-vybrosy-v-atmosferu.html> (дата обращения 22.11.2021)
3. Около 80% стран мира обозначили сроки по достижению углеродной нейтральности//ТАСС, 31 ОКТ 2021. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/12812589> (дата обращения 22.11.2021)
4. Korean new deal//Ministry of Economy and Finance. — URL: <https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=4948> (дата обращения 06.02.2022)
5. 2021년 신년사//대한민국 청와대. — URL: <https://www1.president.go.kr/articles/9771> (дата обращения 27.01.2022)
6. 조천호, 왜 탄소중립이어야 하는가?//에너지정보 사통센터. — URL: https://www.etrans.or.kr/info/list.php?admin_mode=read&no=4243&make=&search=&prd_cate=1 (дата обращения 04.02.2022)
7. 지속 가능한 녹색사회 실현을 위한 대한민국 2050 탄소중립 전략 2020년//대한민국정부. — URL: https://www.gihoo.or.kr/netzero/download/LEDS_REPORT.pdf (дата обращения 04.02.2022)
8. 한국판 뉴딜 2.0 — 미래를 만드는 나라 대한민국 — 2021. 7. 14.//대한민국 정책브리핑. — URL: 관계부처 합동 <https://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=156461589> (дата обращения 04.02.2022)

9. 한국판 뉴딜//대한민국 정책브리핑. — URL: <https://www.korea.kr/special/policyCurationView.do?newsId=148874860> (дата обращения 06.02.2022)
10. 정부 탄소중립 목표 최종안...2030년 40% 감축·2050년 순배출량 0//대한민국 정책브리핑. — URL: <https://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148894458> (дата обращения 10.02.2022)
11. 이재명 “NDC 상향·조기 탈석탄”... 윤석열 “원전 유지 에너지 믹스” [연중기획 – 지구의 미래]//세계일보, 2022–01–06. — URL: <https://www.segye.com/newsView/20220105515548> (дата обращения 19.02.2022)

Мозлов А. Т.

A. T. Mozloev

кандидат исторических наук,
профессор кафедры восточных языков
Дипломатической академии Министерства иностранных дел России
e-mail: amozloev@mail.ru

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В XXI ВЕКЕ: ОТ КРИЗИСОВ К НОРМАЛИЗАЦИИ И НАОБОРОТ

DEVELOPMENT OF RUSSIAN-TURKISH RELATIONS IN
THE XXI CENTURY: FROM CRISES TO
NORMALIZATION AND VICE VERSE

Аннотация. Формирование новых отношений в регионе требует от аналитиков и изучающих процесс формирования новых центров силы тщательного анализа основных игроков на этом пространстве, к коим относятся Российская Федерация, Исламская Республика Иран и Турецкая Республика.

Ключевые слова: Турция, региональное сотрудничество, региональные кризисы, кризис глобализма, расстановка сил в регионе

Abstract. The formation of new relations in the region requires analysts and those studying the process of the formation of new centers of power to give an in-depth analysis the main players in this space, which include the Russian Federation, the Islamic Republic of Iran and the Republic of Turkey.

Key words: Turkey, regional cooperation, regional crises, crisis of globalism, alignment of forces in the region

В ноябре 2015 г., когда Турция сбила над Сирией российский бомбардировщик СУ-24, российско-турецкие отношения быстро начали скатываться к серьезному кризису. Однако, на наш взгляд, жесткая реакция России, в результате которой эти отношения могли привести к обнулению достигнутых к этому времени торгово-экономических и политических выгод, которые получила Турция от развивавшихся отношений с Российской Федерацией, угроза развала этих связей, приносивших